

КРОКОДИЛ

№ 2 ● ЯНВАРЬ 1975

— Раньше вы никогда на работу не опаздывали.
— А раньше у меня машины не было.

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

Дмитро МОЛЯКЕВИЧ

Тактик

Тактику, бают, имею саою,
Оно так и впрааду, братики:
зиаете, а жизии,
слоаио а бою,
иельзя обойтись без тактики.

Вам по секрету открою секрет:
не лезьте вперед, бога радн!
Торчать шишаком расчета нет,
ио ллохо плестнсь и сзади.
Советую аам от сердца
посередине вертеться:
здесь и покой
и благодать,
я знаю это иа практике.
Святая середка — вот, так сказать,
пераая заповедь тактики.

Недаром сказаио, что аиио
кого угодно уложит:
с иог человека валит оио
и правду свалнть может.
Надо прнкидывать иаперед...
откуда корысть или вред придет,
где и кого прополоскать
чаркою для профнлактики.
Чарка-касатка и есть, так сказать,
вторая запоаедь тактики.

Учтите, друзья: как это ии страино,
можио просто, ио ловко
порою сделать из аолка бараиа,
а нз барана — волка.
Следует только асегда приласать
разиые справки и актики.
Щнт из бумажек и есть, так сказать,
третья запоаедь тактики.

В бога ие верил я иикогда,
но мудрый иаказ всевышнего
помию я крепко аезде и всегда:
благо твори для ближиего.
Смелый ои, а быть может, трус —
тихо мотайте себе на ус.
А вдруг ои захочет помехой стать!
У вас в арсенале — фактнки,
пусть только пикиет...
Вот, так сказать,
четаертая запоаедь тактики.

Пятая...
Что вы сказалн! Я иегодяй!!
Как аы меня оскорбляете!
Я к аам с душою,
а аы... ай-ай-ай...
тяжбу со миой затеааете.
Что ж, попытайтесь,
и я не простак:
у меня, голуба, лри случае
иайдутся о вас (храиию про запас)
заметочки, ох, и колючие!

Перевел с унраннского
Аленсандр СОБОЛЕВ.

Рисунок В. ШКАРБАНА

А. ГОЛУБ,
специальный корреспондент Крокодила

Я снжу за столиком в зкзотнческом лолумраке грнль-бара таллинской гостнннцы «Внру» н думаю о лревратностях судьбы барана.

Грнль-бар — зто бар, где, кроме налнтков, лодают всевозможные кулннарные нзделня, лрнготовленные в гриле.

Гриль — зто злектрнческнй лрибор, в котором жарят шашлыкн, отбнвные, шннцелн, рыбу н кур.

В столь фешенебельном заведеннн я думаю об ординарном баране потому, что мой коллега, побывавшнй в Таллнне до меня, советовал обязательно лосетнть грнль-бар гостнннцы «Внру», где готовят лревосходные шашлыки.

Грнль-бар выглядит именно так, как опнсывал мой лрнятель. За тремя расположенными на некотором расстоянии друг от друга стойками маннпулнруют мнксерамн трн бармена в ярко-красных поварскнх коллаках н такого же цвета рубашках. Закончнв взбивать коктейлн, онн лереставляют с места на место пузатенькне н тощенькне бутылочкн с яркимн заморскнмн зтнкеткамн и, словно клавншн, леребнрают фужеры, рюмочкн н столочкн. Раздается мелоднчный хрустальный звон... Только в прозрачных грнлях вместо нанизанных на шпажкн кусочков баранины вращаются на вертелах тугне луляркн. В одном, во втором, в третьем...

Я разглядываю выставленные тут н там рекламные фотографнн автомобиля «Лада» с восседающимн в ием красивымн девнцамн н усиленно соображаю, как лривлечь к себе вннманне одного нз магов в ярко-красном.

— Бармен! — наконец решаюсь я.— Нельзя лн на вашем лротивне нжарнть порцню шашлыка?

— Желаете лорцню джнна?— лоборачивается в мою сторону бармен.

— Да, ио не курнцу, а шашлык.

— Только курнца. Джин со льдом?

— Со льдом. У вас нет баранины?

— Только курица.

Педантнчный служнтель бара совершенно слраведливо полагает, что клнент не должен интересоваться содержнмым кладовых ресторанной кухнн. Он не подозревает, что лерод ннм не обычный лосетитель, а человек, только что возвратнвшнйся нз лоездкн ло республнке н отчастн знакомый с мяснымн ресурсамн окружающей столнцу сельской местностн.

— Так что, у вас нет баранины? Илн лросто не успелн замарнновать?

— Баранина бывает не всегда,— с сожаленнем отвечает бармен н лодает рюмочку эстонского джнна.

А между тем мне доподлинно известно, что за баранннной в Эстонии далеко ходнть не нужно. Это лодтверждает хранящнйся в моем портфеле документ. Вот он:

«Уважаемая редакцня!

Мы с мужем откормилн трех баранов, а куда нх сбыть, не знаем. Председатель сельсовета говорнт: «Такнх, как вы, много, так что запнсывайтесь в очередь. Однако в зтом месяце мясокомбинат баранов больше лриннмать не будет. Может быть, только в следующем». Мне советуют зарезать баранов самой, а мясо отвезтн на рынок. А я ведь не мяснник! Да н лрншлось бы с каждым бараном ездить на рынок, где н так баранины лолно. Так что, дорогая редакцня, может быть, ты посоветуешь, куда девать трех баранов? Потому что нам с мужем вдвоем нх не съесть.

С уваженнем Марня Матвеева н многне другне, нмеющне баранов.

ЭССР, Кохтла-Ярвескнй район, совхоз «Мяэтагузе».

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ГРИЛЬ-БАРЕ

Вот она, справедливость! В одном месте на двоих три барана. А в другом — на весь гриль-бар ни одной порции шашлыка.

Из скрытых под обшивкой стен репродукторов негромко звучит эстрадная музыка. Мелодично позванивают фужеры-рюмочки. В упрятанный в глубоком подземелье гриль-бар стекаются посетители. Бармены извлекают из грилей дымящихся пулярок и длинными поварскими ножами распластывают их на части. Вкусно пахнет курицей, зажаренной в собственном соку.

«Что ж, решаю я, за неимением баранины придется отужинать пуляркой». И произношу вслух:

— Бармен, курицу!..

Но возвратимся к нашим баранам.

Председатель Кохтла-Ярвеского райисполкома Сальма Олейник, ознакомившись с письмом Марии Матвеевой, сокрушенно покачала головой:

— Все это сущая правда. В сентябре индивидуальные сдатчики только нашего района предложили Раквереcкому мясокомбинату тысячу пятьсот овец, но комбинат принял пятьсот. В октябре на очереди стояли тысяча четыреста баранов, а в ворота мясокомбината проникли только четыреста. На конец уходящего года у нас будет еще около тысячи трехсот штук, а обещают принять около пятисот.

Кто виноват? Конечно, мясокомбинат со своими мизерными мощностями. Но и сам барашек — неудобная скотинка. Жиреет и набирает в весе только к осени, когда мясокомбинат занят переработкой колхозных и совхозных бычков и подсвинков. Вот если бы барашки поспевали к маю или к Иванову дню!

Закупает ли скот у населения заготконтора райпотребсоюза? Нет, не закупает. Только мясо. Гражданин должен своими руками забить барана, освежевать и доставить в заготконтору.

Я знал, что в соседней с Эстонией Латвии заготконторы имеют свои небольшие бойни. Там закупают скот у населения по ценам, выгодным как сдатчикам, так и кооператорам, и отправляют в города. Ведь потребителю безразлично, по каким каналам до него доходит продукт. Вкус его тот же. Известен ли эстонцам опыт соседей?

Этот вопрос я адресовал директору Кохтла-Ярвеской заготконторы В. Вескусу.

— Нет, не известен,— ответил тов. Вескус.— Нам дается план только по закупке мяса — девятнадцать тонн в год. И мы его успешно перевыполняем.

Закупить девятнадцать тонн мяса в животноводческом районе, где чуть ли не каждый крестьянин предлагает трех баранов, не считая бычков и подсвинков, задача не ахти какая трудная. Ну, а почему бы, как в латвийских районах, не построить свою бойню?! И пусть крестьяне приводят туда свой скот, а потом уже решают, что делать с мясом: то ли тут же продать его кооперации, то ли отвезти на рынок?

— Что вы? — хитро улыбнулся тов. Вескус.— Это же всякие там санинспекции и ветнадзоры!.. Нет, это не наше дело.

Вспомнив кохтла-ярвеские встречи, я чувствую, что пожар в моем желудке разгорается не на шутку, и еще раз нетерпеливо восклицаю:

— Бармен, курицу!..

По пути из Кохтла-Ярве в Таллин я заехал в Раквере, на мясокомбинат.

— Мощность нашего предприятия достигла критической точки,— сказал в своем интервью директор мясокомбината Эни Миккер.— Если еще чуть поднажать, оно лопнет, как бурдюк. Мы не можем принять и трети овец, предлагаемых населением. А ведь очереди ждут не только овцы, но и кролики, куры...

Самое парадоксальное — это то, что только в государственных хозяйствах республики планируют увеличить в новом пятилетии производство мяса на тридцать шесть процентов, а мощности мясоперерабатывающей промышленности останутся прежними. Одних только кур собираются развести целые тучи, а, например, Раквереский мясокомбинат их вообще не принимает. И принимать не собирается.

Так в ходе нескольких интервью сам по себе всплыл один щекотливый вопрос: если мясокомбинаты принимают лишь часть предлагаемого им скота, если райпотребсоюзы приемку и забой скота не считают своим кровным делом, то куда же девается живность, которой дают от ворот поворот?

— Как это куда? Все знают! — сказала при встрече со мной автор письма в редакцию Мария Матвеева. — Тут у нас всякие прасолы объявляются. Скупают коров, свиней, овец, петухов и кур и темными ночами уводят куда-то.

— Да, это так,— подтвердил один ответственный работник Кохтла-Ярвеской районной милиции.— По деревням и селам шарят всякие лица без определенных занятий, которые скупают скот и переправляют в другие места. Но сам неправомерный акт перепродажи по спекулятивной цене совершается уже не на нашей территории, и мы ничего поделать не можем.

От сознания того, что столь желанный шашлык, быть может, в это время бредет по дороге в небытие, я чувствую новый прилив голода и надрывно восклицаю:

— Бармен, курицу!

— Желаете еще порцию джина? — откликается бармен.

— Да, и курицу!

— Курицы нет. Джин со льдом?

— Со льдом. Но вы ведь сами предлагали курицу?!

— Кур тоже не всегда бывает вдоволь. Вы слишком долго собирались,— говорит педантичный служитель бара и ставит передо мной на стойку рюмочку джина.

Кохтла-Ярве — Раквере — Таллин.

МИМОХОДОМ

Каждой минутой дорожат лишь калифы на час.

Речи иных общественных защитников похожи на представления к награде.

А. СТАСС.

Двойная жизнь делает человека одиноким.

Данайцев бояться — даров не видать!

Б. БАРТАШЕВИЧ.

Рожденным ползать критика снизу не страшна.

Трудно угнаться за жизнью, если стоишь на пьедестале.

О. СЕИН.

Цены на фунт лиха не меняются.

И якорь спасения выбрасывают за борт.

На суд потомства явка не обязательна!

Владимир ХОЧИНСКИЙ.

— Ура, мамочка, а у нас настоящий снег!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Автомобиль и справка

— Здрасьте! Моему автомобилю техосмотрик бы пройти...

— Так. Гараж имеете?

— Да. А... что?.. С гаражом нельзя?

— Попрошу справку о наличии гаража, граждании!

За справкой, будь любезен,— в горисполком. А там требуют другую справку — от пожарной инспекции. Пожарные никакой справки уж не требуют, а велят уплатить пять рублей — якобы за отвод земельного участка... под гараж. Хотя бы участок и был получен по всем правилам двадцать лет назад.

Такое — в городе Котельнич, Кировской области.

А в городе Липецке — совсем наоборот.

— Вашу карточку! — говорит должностное лицо в преддверии техосмотра.

Карточка — с расписанием и отметками дежурств данного владельца данного транспортного средства. Дабы они неукоснительно принимали «участие в надзоре за безопасностью движения транспорта и пешеходов». Время дежурства: с 19.00 до 22.30. И в такие дни: 1 января, 1 мая, три выходных и две пятницы, да еще пяток будних дней в придачу в течение года.

Но что ведь особо интересно в подобных автоделах? В номере 31-м журнала за 1973 год был опубликован фельетон В. Надеина «Дорогое удовольствие». Как раз о странном отношении некоторых ГАИ к автовладельцам. О том, что первые не очень любят последних. И про справки и про дежурства там говорилось.

Но в Котельниче и в Липецке; видимо, автоинспекторы решили: «Ах, оставьте! Вовсе это не про нас писано» И посему посчитали любовь и автовладельцам совершенно необязательной.

Эр. ЭДЕЛЬ.

Чья вода?

Планета Земля стара, но окончательно еще не застыла, поскольку недра дают о себе знать повсеместно. То проснулся на Камчатке вулкан, то фонтан нефти брызнул в Восточной Сибири, то зажурчали загадочные ручьи на улице Колхозной, что в Великих Луках.

Поначалу ручьи загадочными не казались: решили, что приключился инфаркт с одной из подземных артерий города. Приехали специалисты, повели с должным вниманием носами, но ведомственных запахов не обнаружили.

— Не наша вода,— сказали специалисты.

Тогда прибыли водопроводчики, окунули пальцы и, посмаковав, от воды отреклись тоже. Источники между тем не иссякали, а ширились и бурлили. Шаля, вода подмывала фундаменты, заигрывала с венцами бревенчатых домов... Сады вместо того, чтобы бурно расцветать от обилия влаги, принялись чахнуть. Очередная экскурсия специалистов обнаружила в неукротимой воде примесь сероводорода и изрядное количество сульфатов.

Жителям улицы Колхозной, равно как и прилегающих к ней, легче от этого не стало. Вода неистовствовала. Вконец размыла она проезжую часть — так, что проехать стало немыслимо, а хождение в туфлях по тротуару даже на самой модной платформе потребовало отваги и виртуозности.

Уже три года жители улицы Колхозной и прилегающих к ней строчат письма в инстанции (от горкоммунхоза до облисполкома и выше), на что инстанции — единодушно:

— Вода-то не наша.

Не их — факт этот сомнений не вызывает. И уж, разумеется, не редакции «Крокодила», куда жители улицы Колхозной и прилегающих недавно обратились. Поэтому апеллируйте к Создателю, граждане,— это все он.

С. ЛОБНЯ.

Длинная дорога

Из Оренбургской области в Ставропольский край возвращались после уборки хлебов комбайнеры с комбайнами. Ехали довольные. И тем, что помогли без потерь собрать урожай в Оренбуржье, и тем, что скоро увидят родных и близких.

Комбайнеры ехали в пассажирском поезде, комбайны — в товарном. На станции Расшеватка пассажирский поезд остановился, а товарный поддал ходу и помчался дальше.

— Стой, машинист! — кричали комбайнеры и бежали по шпалам.— Приехали! Нам тут комбайны сгружать! Тут наша родная сельскохозяйственная артель «Россия»! Куда ж ты едешь?

Но стучали все сильнее колеса, и скоро исчезли комбайны вдали, как будто их и не было.

Только через неделю обнаружились они в городе Благодарном. Быть может, и дальше бы завезли, да кончилась железная дорога.

Благодарненские железнодорожники, вместо того чтобы исправить ошибку и отправить комбайны обратно на станцию

Расшеватку, выгрузили их на землю и разослали срочные телеграммы владельцам с требованием забрать свою технику.

Не успев как следует насмотреться на родных и близких, комбайнеры Новоалександровского района отправились снова в дорогу. Сначала до города Благодарного, а оттуда своим ходом домой...

А до дому сотни километров. Ехали долго. По пути заправлялись горючим, обедали в чайных, а ужинали как придется. Ночь их заставала обычно в степи. Улегшись под скирдами, вспоминали перед сном комбайнеры своих жен, детей, родителей, а также деятелей Северо-Кавказской железной дороги, по милости которых совершали они это путешествие.

С. ВЛАДИМИРОВ.

Оставаться на местах

Культурная жизнь поселка Юго-Камского, Пермской области, не так уж богата событиями. Редко покажут индийский фильм или заедет фокусник из филармонии.

Поэтому когда в поселковом клубе проводилась профсоюзная конференция рабочих и служащих машиностроительного завода имени Лепсе и на нее пригласили всех желающих, от них не было отбоя. Конечно, конференция не концерт, однако там тоже есть на что посмотреть. Да и вход свободный.

Организаторы конференции были очень довольны таким большим скоплением по-праздничному одетых людей.

Конференция началась в 18.00 культурно, как в театре. Собравшимся предложили снять пальто и головные уборы, сдать вещи в гардероб. После этого вступительное слово предоставили председателю Пермского обкома профсоюза машиностроения тов. Злобину. Оратор был тепло встречен присутствующими.

...На улице крепчал мороз, время клонилось к ужину, а затем и к отходу ко сну. Многие желающие, весьма довольные проведенным временем, засобирались домой. Конечно, хорошо на конференции посидеть, однако есть и другие дела. За детьми приглядеть, мужа накормить, собраться на работу в ночную смену. Короче, кое-какая публика потянулась к выходу.

— Прошу оставаться на местах! — громко предупредил всех П. П. Филатов, который вел конференцию. — Тем более что гардероб закрыт.

Народ задумался. Без одежды уходить не хотелось. Да и температура на дворе — можно запросто уши отморозить. Но все-таки нашлись люди, которые хотели уйти неодетыми. Не удалось — двери клуба тоже оказались на крепком запоре.

Очутившийся взаперти народ начал открыто высказывать недовольство и нарушать нормальный ход конференции различными возгласами. Товарищ Злобин вынужден был сделать замечание собравшимся. После этого было еще проведено голосование и принята резолюция о необходимости повышения чуткости друг к другу.

В 0.30 по местному времени конференция успешно завершила свою работу. Сердитая публика быстро расходилась по домам. Культурная жизнь Юго-Камского обогатилась еще одним примечательным событием.

С. БОДРОВ.

Хороший подарок

преподнес детям магазин № 7 Горсмешторга, что в г. Барабинске, Новосибирской области. В продажу поступил пластилин нового вида под названием «Карамель».

Покупают барабинцы вроде бы карамель «Слива», «Вишня», «Марципан» и отдают детям. Разворачивают дети кулек, а там и не карамель вовсе, а сладкая, клейкая масса, из которой можно лепить игрушки.

Однако мы не можем с уверенностью адресовать слова благодарности автору изделия. Таковой пока точно не установлен.

Но так или иначе, а положительные эмоции гарантированы в любом случае: удалась ребенку игрушка — хорошо, не удалась — еще лучше: скатал ее — и в рот.

Мих. ХОДАНОВ.

СО СВОЕЙ ШКАЛОЙ

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Анатолий ТИТОВ

ОСКОЛКИ

БЕРЕЖЛИВЫЙ

Все
Пром-Хоз-Прод-
товарные излишки
хранил на собственной
сберкнижке.

ВАШ ЗНАКОМЫЙ

Ему природою дана
довольно редкая спина.
С такой спиной
он может, братцы,
стоять стеной,
лозой сгибаться.

НАДЕЖНЫЙ ЛОЦМАН

На финансовую Мель
лучше всех сажает Хмель.

ДВОРНЯГИ

Они в собачьем стане
не элита,
но их особый отличает лад:
лишь стоит хоть одной
заголосить сердито,
как остальные тут же
подсобят.

ДОБРЯК

Касьян
с пеленок
с добротой был вовсе
не знаком,
но слыл
среди других
милейшим добряком.
И только потому,
что доброта Касьяна
текла вся
из народного кармана.

г. Ленинград.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЕДИНИЦА, КОМУ ОНА НУЖНА?»

Буфетчица алуштинского кафе «Утес» Л. А. Мартынова открывала кафе, когда ей вздумается, а в ответ на справедливые замечания грубила посетителям. Об этом говорилось в фельетоне «Единица, кому она нужна?» («Крокодил» № 27 за 1974 г.).

Управляющий алуштинским трестом ресторанов и столовых тов. Ф. Макаров сообщает, что за нарушение режима работы кафе, невнимательное отношение к посетителям и отказ в выдаче книги жалоб буфетчица Л. Мартынова от работы освобождена.

«СЕРВИС НАИЗНАНКУ»

В одноименном фельетоне, опубликованном в журнале № 28 за прошлый год, шла речь о сфере обслуживания. Рассказывался случай, происшедший с жительницей гор. Рыбинска Судановой, которая за месяц до начала учебного года отдала в мастерскую портфель дочери для замены ручки. Но к началу учебного года портфель так и не был отремонтирован.

Как сообщает заместитель председателя Рыбинского горисполкома тов. Л. Федулова, главному инженеру фабрики «Заря» тов. Г. Билевской указано на отсутствие контроля за своевременным и качественным выполнением заказов.

Заведующей мастерской тов. Цубан, куда обращалась Суданова, объявлен выговор. Фельетон был обсужден в коллективах предприятий бытового обслуживания.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ЛЕЧЕБНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

Не так давно понадобилась мне одна из тех многочисленных справок, которые нам выдают в процессе быстротекущей жизни.

И я отправился за ней в соответствующую контору.

У лифта сидел вахтер с обвязанной шалью поясницей. Сидел он в каком-то строго определенном, будто раз навсегда зафиксированном положении. По сторонам вертелись лишь голова и шея, туловище было неподвижно.

«Радикулит у бедняги», — сообразил я и, сочувственно кивнув страдальцу, поднялся в лифте на третий этаж.

В маленькой, темной приемной маялась, раскачиваясь на покосившемся стуле, делопроизводитель. Она тоже была обвязана, но не шалью, а полотенцем.

Я попытался было обратиться к ней, но она лишь слабо махнула рукой в сторону большой комнаты и еле слышно прожужжала:

— Жубы...

Мне показалось, что у меня тоже внезапно и остро заныл зуб, и я поспешно открыл дверь и шагнул в большую светлую комнату, где стояло множество служебных столов.

Шагнул, да так и застыл на пороге не двигаясь.

За первым столом сидел пожилой, усталый работник конторы и, методично подливая из чайничка воду, полоскал горло каким-то белесым раствором.

Вода у него в горле заливисто клокотала и булькала. Отбулькав очередную порцию, он не выплевывал, а проглатывал воду — то ли потому, что некуда было, то ли потому, что так было полезнее.

Чуть подальше другой работник конторы, смущаясь и принося окружающим извинения, все больше оголял спину, а его сослуживец с видимым удовольствием с размаху лепил ему на спину горчичники, молодецки вскрикивая:

— Ии-эх!

Немного освоившись с обстановкой, я стал медленно и с опаской пробираться между столами, где мерили температуру, глотали таблетки, закапывали капли, чихали, кашляли и сморкались. Наконец, я приблизился к столу, за которым сидел нужный мне товарищ.

Подойдя, я с облегчением увидел, что он как будто свободен от всяких лечебных процедур, и робко обратился к нему:

— Простите, не могли бы вы...

— Мог бы, мог бы, — радостно перебил он меня, — но прежде всего ответьте, пожалуйста: вы случайно не врач?

— Нет.

— И не медсестра?

— Как видите...

— Жаль, ах, как жаль! Понимаете, подходит время укола, шприц уже кипятится, все наготове, а вот уколоть некому. Вы не взялись бы все-таки ткнуть иглой в то место, которое я вам укажу?

— Да я не сумею. Не попаду.

— Попадете! Промахнуться трудно, — уверенно заявил он, увлекая меня за шкаф.

Я еле вырвался от него и бросился вон из конторы, буквально скатившись по лестнице.

Впрочем, около вахтера я на секунду задержался, чтобы спросить его:

— Что же это у вас тут происходит, голубчик?

Вахтер осторожно и, как мне показалось, со скрипом повернул ко мне голову и тихо, но важно сообщил:

— Осваиваем, граждании, новый почин: ни дня на бюллетене! Понятно?

— Эх, не учли: собака-то у лесника непьющая!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

ДОКАЖИ, ЧТО ТЫ НЕ ВЕРБЛЮД

А. КАРАСЕВ, С. РЕВЗИН,
специальные корреспонденты Крокодила

Человек не может прожить без воды и недели. А верблюд может. Кроме того, верблюд пьет соленую воду. А человек не пьет. Человек любит купаться и чистить зубы. А верблюд может спокойно обходиться без всего этого.

— Но зачем,— спросите вы,— понадобилось устанавливать разницу между человеком и... Даже как-то нехорошо...

Да уж чего хорошего! Но приходится...

Узнали мы, правда, из непроверенных источников, что ученые, а может быть, и совсем не ученые, а просто инициативные товарищи решили произвести выдающийся эксперимент. Решили вызвать к жизни скрытые, дремлющие в человеке с незапамятных времен резервы. Решили доказать, что выносливость и приспособляемость человека, если правильно организовать режим и тренировку, не имеют границ.

Представляете, приехали вы в какой-нибудь жаркий город, где даже в сентябре воздух горячей, чем в финской бане. В какой-нибудь Красноводск, куда вода подается за 150 километров по трубам. А состояние этих труб такое, словно они сработаны еще рабами Рима.

Естественно, первое время жить трудновато. По ночам снится «Байкал» в маленьких бутылочках, «Пепси-кола», запотевшие кружки с пенистым пивом. Снится прохладный душ, массирующий спину тугими струями.

Но проходит года два, и во сне уже видятся только графин с прозрачной водой и весело бегущая из кухонного крана струя...

Промелькнули пять лет, шесть... Сновидения сливаются с действительностью. До краев наполнена ванна (запас на неделю!). На кухне журчит самодельный перегонный аппарат, отделяющий воду от ржавчины. На видном месте приколот разлинованный лист-график: в какие часы и по скольку граммов должен пить каждый член семьи.

И на седьмом году тренировки не страшны никакие трудности. Старожил Красноводска смеется над верблюдом!

Вот к какому результату должен привести этот масштабный эксперимент по адаптации человека. Или, как его называют сами красноводцы, «опыт акклиматизации без канализации». Извините, конечно, но, как говорят французы, «сэ ля ви!».

Желая познакомиться с ходом эксперимента, мы позвонили главному санитарному врачу товарищу Семидетко. Но он не захотел делиться опытом и перед тем, как повесить трубку, заметил, что у него есть указание ни с какими корреспондентами наедине не встречаться. Пришлось нам удовлетворять свою любознательность без научного руководства.

В центре города у новых жилых зданий ни души... Только на детской площадке под грибом прикорнула бабушка со сковородкой в руке.

— Дежурю я... От общественности. Как только вон из той трубы пойдет вода, я камнем в сковородку стучу. Сигнал. И когда водовоз приезжает, тоже стучу...

— Как? Настоящий водовоз? С бочкой?

— С цистерной. И не настоящий, а левый. Правда, по-божески берет, недорого.

На бульваре рядом с кустарником черного саксаула мы увидели сидящего на скамейке аборигена Красноводска. Это мы определили сразу. Отжатый, обезвоженный, явно прошедший термообработку под давлением, небритый, сгорбленный, настоящий хомо сапиенс из семейства верблюдовых.

— Как идет эксперимент? — без всяких предисловий спросили мы.

— Как видите, отлично! — прохрипел абориген.

— Есть ли трудности? Препятствия?

— Не без этого. Например, водопровод морской воды. Он проведен почти в каждый дом. Представляете, какая угроза эксперименту? Душ, ванна и вообще для всяких больших и малых квартирных нужд — морская вода! Это нарушит режим закалки организма. Люди изнежатся, раздобреют, станут ленивыми, неповоротливыми... Но, к счастью, водопровод этот не действует. Недавно пришлось изрядно поволноваться: газета «Знамя труда» сообщила, что вот-вот будет закончен опреснитель. Значит, скоро забьют фонтаны! Появятся автоматы с газировкой! Киоски с пивом! Прачечные! Теплоцентраль! Некоторые несознательные граждане надели по этому поводу чистые рубашки. Но...

— Ясно,— подхватили мы,— опреснитель до сих пор не работает, да?

— Не угадали. Работает. А точнее — льет воду на мельницу эксперимента!

— Как так? — не поняли мы.

— Очень просто. Раньше воды не было, потому что ее вообще не было. А сейчас воды нет, хотя вода есть. К закалке физической прибавилась закалка психологическая. Объясняю: опреснитель воду дает, а хранить ее не в чем. Вон бетонный резервуар видите? Четыре с половиной года строят и неизвестно...

— А вдруг все-таки построят? Как тогда?

— Не страшно. Резервуар большой, следовательно, давление повысится, старые трубы полопаются и... эксперимент продолжится!

В связи со всем увиденным и услышанным мы вносим предложение хозяевам города. А что, если им произвести другой эксперимент: вызвать к жизни скрытые, дремлющие резервы у самих себя? То есть преодолеть водобоязнь. Не путать бурный поток служебной переписки с обещанным потоком воды опресненной и чистой. Не считать, что именно в Красноводске берет начало глобальная проблема водного голода планеты...

А после всего этого можно смело пойти, так сказать, по вертикали. И в Министерство коммунального хозяйства, и в Химстрой, и Главупрснаб, и в другие вышестоящие ведомства Туркмении.

Придя же, стукнуть кулаком по столу. И сказать... нет, доказать, что в Красноводске обитают не только верблюды!

г. Красноводск.

А. МОРАЛЕВИЧ

Рассказ

Как вспомню—так вздрогну!

Выпадали осадки. В Призовом переулке словесник Пацвин глядел в окно. И под эти вязкие, небурные звуки из водостоков думал словесник Пацвин о кредо.

Кредо у словесника было. Жизненно расставлены были вехи в расчете на рост мастерства: сперва репортер, потом словесник вообще, беллетрист, литератор и, наконец, помазание в члены Союза писателей.

С репортерством простился Пацвин в срок и навек.

— Ты выкинь,— говорил после прощания Пацвин жене,— выкинь эту всю требуху!

Но Соня не выкидывала два тома на картон приклеенных вырезок, где все заметочки и заметульки имели подпись: «И. П.».

— Почему же,— говорила верная Соня,— я это выкину, если это есть путь писателя в начале пути?

И твердо верилось Соне, что когда-либо кончатся подписи эти «И. П.» и наступит «И. Пацвин», возможно, даже «Ис. Пацвин», если вдруг создастся у мужа ряд широких полотен. И уже виделись Соне восемь клиенток, сидящих под сушильными колпаками, и у всех в руках раскрытые книги Исая, в суперобложке.

Да, не зря была уверена Соня. Сбылись ожидания: в давние годы, за тарелкой супа с рыбным набором, вселил в Исая уверенность коллега его по вестнику «Хозрасчет и эмиссия» Николай Валуёв.

— Исай,— сказал Николай,— зачем ты сидишь здесь, где сплошной хозрасчет и рыбный набор из бильдюги? Вот я выписал несколько фраз из твоих журналистских набросков. Ты писатель, Исай. Тобою написано это: «После таких именно лекций все посетители, страшно толкаясь, разбегаются перестраивать свою жизнь». Это у тебя редактор вымарал фразу: «Овчинников был человеком разносторонних способностей. Он мог квалифицированно сыграть на рояле, а мог и в одиночку доставить рояль на другую квартиру». Ты писательски зорок, Исай, тебе надо перекладывать руль! Здесь тебя заморочат и высушат.

— Но,— сказал в сомнениях Исай,— мне б отправную точку.

— В мире прорва отправных точек,— сказал Валуёв.— А смени ты на год профессию и пойди воспитателем высланных тунеядцев. Через год будешь иметь материал.

Через год, с двумя шрамами возле уха и следами мужского укуса в бедро, вернулся Пацвин от тунеядцев за свой письменный стол. Жена Соня ночами носила ему для творчества почти подсудной крепости чай. И страшно корпел ночами словесник, и девять раз засорял он мусоропровод, на взгляд его, слабыми черновиками, и однажды перечтя книгу, поставив точку, вскричал все же автор: — Et vidit quod esset bonum!*

Затем упал головою в рукопись и проспал семнадцать часов.

Потом было Исаю признание читательских масс. Издание было книге и четыре переиздания. И деньги пришли, и финансовые бреши залатала семья, и вот уже подошла пора совершать прыжок на другую ступень — в литераторы, члены групкома.

В этом месте вдруг сорвалось. Заколодило. Тексты больше не вытанцовывались. Литбесплодие одолело Исая. Потерял себя словесник Пацвин Исай. И шарахался он то в одну, то в другую крайность, то писал малоформистские рассказы, короткие, как записки самоубийц, то зачинал двулогию — и все-то было впустую.

Тут кинулся Исай искать не в себе объяснений явления, а во внешней среде. И сперва показалось Исаю, что рассеивают его писательский пыл эти гики из соседнего театра эстрады то донских казаков, то обских плотогонов.

В скит, в пустошь, в землянку под Катуар метнулся Исай, ему верилось, мнилось, что под скрип корабельных сосен создаст он литературное диво. Но не двинулось дело, обозначился только во всей реалистической жути финал двулогии со смертью героя — оцарапан в метро значком выпускника университета и умер от заражения крови...

И однажды в негигиеническом даже для сельской местности виде пришел на почту мужчина и дал телеграмму в Москву, Валуёву: «Поездом 8.06 жду Катуаре. Ис. П.».

Своевременно прибыл светлая голова и друг Валуёв.

— Не хандри, Исай,— сказал Валуёв.— Есть такая творческая категория — писатели одной книги. Спел — и замолк, будто хлопнули соловья из рогатки. Ты бы снова специальность сменил, подначерпался ярких коллизий. Может, очерк хоть выйдет. Есть же специальности. В гуще жизни. Где страсти кипят!

Переносицу уперев в ладонь, Исай надолго задумался. Конечно, были специальности весьма подходящие. Тот же сосед его Федоров постоянно крутился среди кипенья страстей, поскольку служил в милиции и развозил на мотоцикле гражданам повестки.

— Вот! — выкрикнул Валуёв.— Это ж клад. Это ж книга!

— Я не смогу овладеть мотоциклом,— печально сказал в шуме сосен Исай.— В мотоцикле есть предметы глушак и магдина, и вообще мотоцикл как метод проникновения в психологию масс...

Невменяемый Пацвин из землянки был извлечен верным другом и доставлен домой. Жена Соня выписала мужу восемнадцать газет и журналов, чтобы отвлечь Исая от мыслей об алкоголе.

Даже более того: практичная Соня дала через рекламбюро объявление: «Купим недорого компактный сюжет».

Однако никто не откликнулся на объявление, и только один человек, приехавши лично, предложил вместо сюжета сервант.

Исай угасал. Странные, странные желания овладевали Исаем. То хотелось ему махнуть в Нагасаки, но непременно чтобы троллейбусом «Б», то хотелось ему макарон, но чтобы к ним вместо сыра натерли луны.

Жена тихо паниковала. Ночами созванивалась она с Валуёвым: где выход?

— Фенология,— сказал Валуёв.— Анфас к природе. В это надо втянуть Исая. На фенологию нынче спрос, с незаконченным высшим — и те пристроились, пишут.

Ах, любовь женщины! Кто только не был привлечен женой Соней для обогащения фенологических взглядов мужа! Был здесь выписанный из Средней Азии родственник-мелиоратор, почти интеллигент, отделенный от этого звания только возгласом: «Я пойду лягу».

— Дак вот,— говорил мелиоратор Исаю, уныло листающему непочатый блокнот.— В блохе, говорят, мозгу нет, а мозг в ней наличествует. Ведь гляди, что выходит: как суслик кормиться на волю идет, блоха на нем внутри шерсти сидит. Суслик к выходу из норы, а блоха тут и спрыгивает. На солнце ей жариться тошно, она в подземном тенечке и ждет, пока суслик вернется.

— Значит, ждет? — тоскливо спрашивал Пацвин, не касаясь пером бумаги.

И никто не раскачал словесника Пацвина на описания природы: ни даже знакомство с членом рабочей группы по волку, ни даже лично наблюденное нападение двух ворон на кота.

Так в тупик зашел словесник Исай, непогода хлестала по стеклам, и в плане острых жизненных наблюдений особо остро ощущал теперь Пацвин, что безденежье особенно омерзительно в сырую погоду, в интервале температур от +1 до +3.

В этот-то тяжкий, почти критический миг телефон подал голос, и дальнейшая жизнь словесника пошла по солнечной колее. И жена его Соня, кончив красить сиреневой и дюралюминиевой краской прически гражданок, вернувшись, застала мужа Исая на большом творческом и нравственном взлете: муж повязывал галстук.

Так что же случилось? Стояла ли благоприятно в ту ночь звезда Сириус на небосклоне? Было ли какое другое знамение?

Нет, и ни при чем тут стояние звезд. Просто в одном из Дворцов культуры отшился от вечерней программы певец, зафордыбачил, сделал неявку.

Долго металась несчастная администрация, и везде был отрезан ей путь. Были разобраны токари и зуборезчики, делящиеся опытом с трибун. Были разобраны декламаторы, профессионалы оригинального жанра, даже непопулярный в массах трепач с монологом из пережитого: «Я бросил пьянку, вернулся в семью».

И только в литературном бюро пропаганды долго сопели в трубку, долго слышалась простудная шмыготня, а потом и сказали:

— Позвоните вы Пацвину. Он когда-то книгу создал, пусть-ка поделится...

Так неожиданно обрел себя, так остался сопричастен литературе словесник Пацвин. Так, не имея потенции больше писать, колесит по стране Исай, вспоминая, как был он укушен мужчиной в бедро, и как тяжело давались ему поиски слова, и какой чай ему приносила ночами жена Соня...

— Как вспомню — так вздрогну! — говорил Исай притихшим рядам.

Так он вздрагивал в учреждениях, на полевых станах, на кораблях, в пожарных депо, в шахте на глубине 1 674 метра. Ему нравились эти устремленные встречь из зала глаза, он рассказывал о жутких творческих муках, он вспоминал, вспоминал — и все ловчей, все пространней.

Рождалась профессия.

* И увидел, что сделанное им было хорошо.

ВАЛИТ С НОГ...

Не справься кондитер с выпечкой торта неожиданной конфигурации или закройщик, допустим, мужские штиблеты на фиолетовой платформе, никто, кроме, пожалуй, близких родственников и непосредственного начальства, не узнает о неудаче мастера. Да и сам он, наверное, не станет рекламировать свою творческую несостоятельность. Потерзается, глядишь, погрустит и, засучив рукава, примется вновь за работу.

Иное дело поэт. В таких ситуациях поэту куда легче. Ему хорошо, даже когда ему плохо...

В журнале «Аврора» (№ 2, 1974 г.) Глеб Горбовский меланхолически сетует:

Все труднее пишутся стихи,
словно муза—бабушка с одышкой.
А бывало, что ни петухи
поутру — то новая мыслишка...

Вообще за последнее время эпидемия самоуничижения охватывает все более широкие круги поэтов. Одни, вроде Виктора Бокова («Знамя» № 1, 1974 г.), откровенно вскрывают перед нами истоки поэтического бессилия:

......Снегу нет, и рифмы нет,
Спит былая гениальность,
Будто я и не поэт
И талант мой не реальность!..

Другие, скажем, Станислав Куняев («Москва» № 2, 1972 г.), издают лишь тихий стон утомленного неустанным творчеством пиита:

Как хорошо бы отдохнуть
От званья русского поэта —
Уйти в ненастье, в осень, в лето
Куда-нибудь, зачем-нибудь...

Третьи (Евгений Винокуров, в том же журнале) не прочь попенять на свои творческие недоработки, сбои и вывихи:

...Быть может, где-то недопер?
Не взял? Недоволок?..

Конечно, это не вредно — вовремя спохватиться, окинуть взглядом творческое наследие, осмыслить, почему недопер, отчего недоволок, и т. д. Но надо ли об этом трубить на всю, как говорится, Европу? Надо ли и нас, читателей, вовлекать в интимный процесс самобичевания?

...Для вас, обрекая себя на заботы,
Забыла и праздники я, и субботы,—

с упреком сообщает нам в журнале «Нева» (№ 3, 1974 г.) Людмила Щипахина. И даже Евгений Евтушенко, известный своей неутомимостью, не выдержал и жалобно вскричал (в журнале «Нева» № 8, 1973 г.):

Я, словно вол, в эпоху впрягся.
Перенапрягся. Валит с ног...

Вот страсти-то... Чем же нам, братья-читатели, помочь братьям-стихотворцам? А?

Л. НАУМОВ

Игорь МАРТЬЯНОВ

Кем быть?

Любимая! Когда травою стану,
Ты, как по волосам,
погладь меня.
Любимая, когда березой стану,
Ты обними, пожалуйста, меня.
Виктор Смирнов.

Любимая! Коль стану лебедою
У твоего крыльца когда-нибудь,
Ты не забудь полить меня водою
И подкормить фосфатом не забудь.

Когда же превращусь я в березу,
Ты обними мой стан средь бела дня
И накажи, пожалуйста, лесхозу,
Чтоб на дрова не спиливал меня.

Еще, мой друг, хочу веревкой стать я
И оказать услугу от души —
Суши на мне свои чулки и платья
И прочее исподнее суши!

Как хорошо быть тыном, рощей, треком,
Телегой иль ромашкой у межи...
А может, все ж остаться человеком?
Любимая, что делать — подскажи!

г. Иваново.

— У нас теперь, как видите, сильный оркестр...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Владимир ЛИФШИЦ

ДОБРОГО ПУТИ

Рассказ

Приходит ко мне как-то молодой писатель Павел Савушкин. Льняные волосы. Васильковые глаза. Я с ним до этого встречался раза два или три у общих знакомых. Но сочинений Савушкина читать мне не приходилось. Не попадались они мне. И вот без предупреждения является Павел Савушкин. Провожу его в кабинет, усаживаю, а сам ломаю голову: что ему от меня понадобилось?..

Он скромно, с достоинством садится, приглаживает пятерней свой лен, уставляет на меня свои васильки и говорит:

— Василий Сергеич, вы старый, уважаемый писатель. Прошу вас: пожелайте мне, пожалуйста, доброго пути.

Признаться, это меня тронуло. В наш суровый, лишенный сантиментов век — и чтобы прийти только для того, чтоб получить доброе напутствие...

— От всей души,— говорю я Савушкину,— желаю вам всего самого наилучшего, желаю творческих дерзаний и свершений, поисков и открытий. Идите вперед, Савушкин, смело обгоняйте нас, стариков, сейте разумное, доброе, вечное...— и еще что-то в таком же духе. В общем, сердечно желаю ему доброго пути, и чувствую себя в некотором роде Державиным... Он выслушал мое напутствие и говорит:

— Василий Сергеич, вы меня не совсем правильно поняли. Мне нужно не устное ваше напутствие, а письменное пожелание доброго пути. Меня хочет напечатать «Литературный еженедельник», а у них там принято перед первой публикацией молодого писателя давать краткое вступительное слово какого-нибудь маститого. Это у них называется «Доброго пути!» Вот я за этим и пришел.

Ах, вот оно, думаю, что. Это несколько с его стороны бесцеремонно. Да и меняет дело. Это значит, что надо будет действительно прочитать его рассказы. И чтобы они понравились. А у меня времени нет.

— Не хотелось бы,—отвечаю,— вас огорчать, но если это спешно, то, к сожалению, не сумею выполнить вашу просьбу. Совершенно нет времени.

— Я это предусмотрел,— говорит Савушкин.— Вам совсем не потребуется на это времени. Вам только надо подписать то, что я тут набросал.

И протягивает мне листок с машинописным текстом. Я не понял:

— Что вы набросали?

— Пожелание мне доброго пути. В виде проекта. Если захотите что-нибудь изменить или усилить — пожалуйста.

— Ах, вот как?.. Спасибо за разрешение...

Беру листок. Читаю:

«Молодой писатель Павел Савушкин обладает большим и самобытным талантом. Вылепленные им образы наших современников удивительно выпуклы и наделены яркими и такими неповторимыми характерами, что просто диву даешься!.. Каждый абзац согрет у Савушкина неподдельным человеческим теплом. Язык его рассказов точен, ясен, прозрачен и чист, как лесной родник, глубинно народен и в то же время в лучшем смысле слова литературен. Уверен, что читатели получат истинное наслаждение от публикуемого ниже рассказа Павла Савушкина. Доброго тебе пути, Павел!..»

Прочитал. Молчу, не поднимая головы. И Савушкин молчит.

— Ну, так где же он? — спрашиваю, наконец, немного севшим голосом.

— Кто?

— Рассказ, от которого читатели получат истинное наслаждение.

— Хотите прочитать? — искренне удивился Савушкин.— А я его не взял, чтобы не отнимать у вас лишнего времени... А что, в моем тексте что-нибудь не так?

Поднимаю голову и смотрю в невинные васильки Савушкина. Выражение у них не смущенное, а слегка озабоченное: что-то он, видимо, написал не совсем так...

— А вам не кажется, Савушкин, что писать такое о самом себе... — я замялся.

— А что? Все так делают.

— Все?!

— Ну, не все, так многие.

— Многие?!

— Ну, не многие, так некоторые. И не только литераторы. У меня приятель защищался на кандидата, так сам подготовил выступления для оппонентов. Указал все достоинства своей диссертации и даже некоторые недостатки... И характеристики сами на себя пишут, вы что, не знаете? «Проявил себя с лучшей стороны... Принимал активное участие...» Начальство только подписывает. Что же у меня не так?

— Все не так! — твердо говорю я Савушкину, отодвигая листок.— Неужели вы не понимаете, как это отвратительно? Как это вас унижает? И добро бы только вас — предлагая мне это подписать, вы унижаете и меня. Берите ваше самонапутствие и уходите. И не вздумайте со мной впредь раскланиваться, я вам не отвечу.

Вот как я ему сказал, глядя в его наглые васильки. Хорошо сказал, можете мне поверить. Но... мысленно. А вслух... Проклятая слабость!.. Подумал о неприятных минутах объяснения... Подумал об общих знакомых... В руке сама собой оказалась самописка... Короче говоря, подписал я то, что мне предложил Савушкин.

Недавно прочитал рассказ Павла Савушкина в журнале «Раздолье». Как и предполагал, совершеннейшая ахинея. Теперь с содроганием жду его рассказа в «Литературном еженедельнике». Того самого, от которого, как я утверждаю, читатели получат истинное наслаждение.

— Но это же было у Пушкина!
— Да, нас часто путают...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Вячеслав ОРЛОВ

Отчего стенокардия

Ничего не говори —
Не прощай и не кори.
Если хочешь, закури.

Леонид Темин.

Не кори и не кури.
Ты меня не умори.
Двери настежь отвори.

Черной ночью при
свечах
Я в дыму сидел и чах,
Начихав на свой очаг.

Два огарка впереди.
Сто цигарок позади.
Не кури же! Уходи!

У меня стенокарди...

Михаил ГЛАЗКОВ

Перезрелость

Оглянуться едва
успеваю,
Возмужание
чувствую сам,
Словно я, молодой,
поспеваю,
Созреваю по дням
и часам.

Василий Манеев.

Все мужаю я, все
поспеваю,
Одногодкам утер уже
нос.
Аж до звезд головой
доставаю,
Острового — и то
перерос.

Обогнал сам себя-то,
признаться,
Хоть фортуну свою
не виню,
И до времени стал
осыпаться:
Перезрел я, кажись,
на корню.

г. Ярославль.

Мих. КАЗОВСКИЙ

Пародия

ТАЙНА ОНУФРИЯ

ДИКТОР. Итак, дорогие телезрители, состоялась премьера многосерийного фильма «Не плачь, Онуфрий!». Теперь можно с радостью сказать: получилось! Да, вышел настоящий, где-то даже художественный фильм. И сегодня по вашей просьбе, дорогие телезрители, к нам в студию заехал актер театра и кино Викентий Викентьевич Ангаров.

АНГАРОВ. Здрасьте.

ДИКТОР. Когда мы узнали, что главная роль в новой картине поручена вам, Викентий Викентьевич, то сразу поняли: лента обречена. Обречена на большой успех. Скажите, как вы относитесь к многосерийным фильмам?

АНГАРОВ. Отлично отношусь. Чем больше серий, тем больше простора для показа психологии героев — в ее общественной и интимной многогранности. А мой Онуфрий герой.

ДИКТОР. Да, это правильно. Перевоплощаясь в Онуфрия, нашего современника, вам самому пришлось приобщиться к героике будней. В фильме вы фехтуете, прыгаете затяжным прыжком в море, перекусываете зубами колючую проволоку. Где вы научились всему этому?

АНГАРОВ. Меня учила жизнь. И конечно же, в процессе вынашивания образа Онуфрия я читал Станиславского, искал зерно, наблюдал людей на улице. Правда, в картине вместо меня фехтует мастер спорта Касаткин, а затяжным прыжком в море падает чучело. Проволока, которую я перекусывал, была сделана из бумаги.

ДИКТОР. Понятно. Но зато момент, когда Онуфрий идет по карнизу небоскреба, потребовал от вас исключительной выдержки!

АНГАРОВ. Естественно. Съемки были максимально приближены к натуре. Небоскреб построили в павильоне, а карниз находился на высоте порядка двух метров от пола. И поэтому когда во время четвертого дубля я упал вниз, то потом три дня не мог работать.

ДИКТОР. У вас была травма?!

АНГАРОВ. Да. Моральная.

ДИКТОР. Расскажите теперь, Викентий Викентьевич, как снимался эпизод на море. На зрителей произвел большое впечатление эпизод, когда вы объясняетесь в любви.

АНГАРОВ. Сцена действительно заслуживает внимания. Хотя в ней снимался не я. Меня срочно вызвали тогда на пробу в другой фильм, и в кадре стоит (если помните, спиной) сам режиссер.

ДИКТОР. Но говорит-то он вашим голосом?

АНГАРОВ. Наоборот! Это я, так сказать, говорю его голосом. Дело в том, что после окончания съемок я вылетел в Лиленшваген на кинофестиваль, а роль Онуфрия озвучивал постановщик фильма. Кажется, ему удалось передать мою индивидуальность.

ДИКТОР. А пожар...

АНГАРОВ. Это дублер.

ДИКТОР. А перестрелка...

АНГАРОВ. Это другой дублер.

ДИКТОР. А...

АНГАРОВ. Это тоже не я.

ДИКТОР (игриво). Ну, а фильм-то вы сами видели?

АНГАРОВ. Нет. Я был занят на новых съемках в Ялте, и его смотрела моя жена. Но, несмотря на это, я очень доволен своей работой в фильме «Не плачь, Онуфрий!». Ведь осуществилась моя мечта: сняться в приключенческом фильме — с погонями, драками и всепобеждающей любовью. Давно, знаете ли, хотелось копнуть по-настоящему.

ДИКТОР. Большое спасибо, Викентий Викентьевич. Нам было необычайно интересно познакомиться с вашей творческой кухней. Новых вам удач на нелегком актерском пути!

ПРОЦЕСС О 180 000 000

А. ВЕСЕЛИЦКИЙ

Девятизначные цифры никогда раньше не снились синьору МариоРосси, младшему следователю суда из итальянского города Падуи. Не мудрено, что он ахнул, когда шеф поручил ему отыскать 180 миллионов украденных лир.

— Мне стало известно,— сообщил шеф,— что со счетов фирмы «Гайана» таинственным образом исчезло около 180 миллионов. А вы, конечно, слышали, что владельцем фирмы «Гайана» является Андреа Пьяджо. Сами понимаете, хотелось бы отыскать пропажу и тем самым оказать синьору Пьяджо небольшую любезность.

Разумеется, синьор Росси не раз слышал имя Пьяджо. Да и кто в Италии не слышал? Ведь Пьяджо — это полтора триллиона лир на счетах сотен банков, это доходные дома и яхты, это виллы на взморье и охотничьи угодья в горах. Это, наконец, что тоже не последнее дело, щедрые субсидии кандидатам в депутаты парламента. Не всем, конечно, кандидатам, а только любезным сердцу синьора Пьяджо.

Понятно, что Марио Росси с головой ушел в порученное расследование. Впрочем, чего уж греха таить, двигало им не только скромное желание помочь столпу общества. Синьор Пьяджо уж, конечно, в долгу не останется, отблагодарит за рвение, вполне корыстно думал младший следователь.

Расследование шло вперед буквально гигантскими шагами. И уже в июле Росси мог с полной уверенностью утверждать, что деньги были изъяты путем хитроумнейших финансовых махинаций и что организатор этой операции — главный бухгалтер той же «Гайаны» Аттилио Лекарти — личный секретарь, правая, так сказать, рука Пьяджо.

Процесс о 180 миллионах дошел до точки, о чем и было доложено главному потерпевшему. Однако реакция Андреа Пьяджо была весьма неожиданной. Миллиардер выслушал, поковырял в ухе, зевнул и сонливо молвил:

— Мой главбух, говорите? Ай-ай-ай... Экий шалун, право. Ну, господь ему судья. А вы это дело бросьте, любезный. Право, не стоят эти миллионишки вашего драгоценного служебного времени.

Ошарашенный следователь Росси, может, и пошел бы на попятный. Но тут взыграла обида в сердце главбуха Аттилио Лекарти. Главбух направил в итальянские газеты заверенное юристом и на всякий случай врачом-психиатром заявление. Главбух свидетельствовал, что:

а) деньги были сняты со счетов «Гайаны» по личному указанию Пьяджо,

б) деньги были переданы руководителям совсем недавно раскрытой властями неофашистской организации «Роза ветров», готовившей заговор против республики.

А поскольку участие в заговоре — тягчайшее преступление против Итальянской республики, прокурор подписал ордер на арест Андреа Пьяджо.

Дальше события разворачивались следующим образом. Когда стало совершенно очевидно, что ареста не избежать, адвокаты Пьяджо вступили в переговоры со следователем, чтобы хоть как-то подсластить горькую пилюлю, уготованную законом для Андреа Пьяджо. После долгих дебатов было согласовано:

1. Учитывая деликатность и воспитание Пьяджо, наручники применяться не будут.

2. Принимая во внимание широкую известность обвиняемого, арест будет произведен не в его городской резиденции, а в сельском поместье, недалеко от Падуи.

3. В силу загруженности синьора Пьяджо делами арест может быть произведен только в нерабочий день.

Следователь, надо отдать ему должное, сдержал слово. В субботу, 24 августа, он прибыл в местечко Монселизе и ровно в 10.00 принял миллиардера в кабинете тамошнего полицейского начальника. Описывая эту встречу, журнал «Панорама» указывает: «Двубортный темно-серый костюм Пьяджо, элегантная сорочка тончайшего белого батиста и галстук по последней парижской моде явно не гармонировали с окружающими стенами».

Беседа — разумеется, не допрос — продолжалась четыре часа. Затем миллиардер трогательно попрощался с женой и с большим достоинством отправился к ожидавшему его черному «мерседесу» с цивильным номером. Обед синьору Пьяджо его личный повар доставил уже в тюрьму...

С того памятного дня прошли месяцы. И хотя у Андреа Пьяджо было мало времени на беседы со следователями — он то просматривал деловые бумаги, то выбирал жене фасон платья к очередному балу, то, как предписал ему личный врач, отдыхал после полдника,— все же удалось выяснить многое. Стало ясно, например, что к цифре 180 000 000 следует для точности прибавить еще минимум парочку нулей — ведь Пьяджо давал деньги фашистам не один раз, и не только в 1974 году, и не только «Розе ветров». Еще узнали, что Пьяджо приглашал к себе матерых фашистов и реакционных генералов не просто, чтобы дать им, как говорится, на чай. Застолье часто превращалось в монологи Пьяджо, который делился собственным опытом, вспоминал о тех временах, когда ему не нужно было прятать черную рубашку под белым батистом.

Процесс о 180 миллионах неспешно продолжается и сейчас. Правда, уже без Пьяджо. Здоровье не позволило ему пробыть в тюрьме больше двух месяцев. На том же черном «мерседесе» он отбыл в частный санаторий, более, чем тюрьма, соответствующий его физическому и материальному состоянию.

— Мы охотно вложим свои деньги в эту кубышку...

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Ким ЧЖИ ХА

Пятьсот лет – как минимум

Любимому сатирическому поэту прогрессивной южнокорейской молодежи — 33 года. За стихи, направленные против диктаторского режима Пак Чжон Хи, он приговорен к смертной казни, которую «милостиво» заменили пожизненным тюремным заключением. Произведения поэта, даже еще не написанные, объявлены вне закона.

В ранее созданной поэме «Необоснованные слухи», которую сейчас в Южной Корее распространяют подпольно, Ким Чжи Ха пророчески описал суд над собой — человеком, бросившим вызов сеульской клике.

Помещаем отрывок из поэмы.

Он опасный преступник — вот этот бедняк:
На обеих ногах он пытался стоять.
Бунтовщик! Возвышаться над прочими так
Может только начальство, правительство, знать.

Он опасный преступник — вот этот бедняк:
Расточая часы, размышлять он хотел.
Вольнодумец! Не мог согласиться никак,
Что мышленье — богатых и сильных удел.

Он опасный преступник — вот этот бедняк:
Чистый воздух вдыхал беззастенчиво он.
Отказался признать, ядовитый сорняк,
Что дышать — привилегия важных персон.

Но ужасны последствия главной вины:
Не желал закрываться злокозненный рот.
Были «слухами» речи злодея полны,
Он публично вводил в заблужденье народ.

Потому-то внезапно схватили его;
Не уйти — полицейская хватка крепка.
Беспредельно сеульских владык торжество:
Злоумышленник пойман! Под суд бедняка!

Над мятежником поднят карающий меч,
Приговор охранителей власти не прост:
Надлежит подсудимому ноги отсечь,
Чтоб не силился дерзко стоять во весь рост.

А потом — непременно его оскопить:
Всевозможным грядущим смутьянам на страх,—
Чтоб не мог он отныне строптивых плодить,
Чтобы род нечестивца навеки зачах.

Но поскольку опасность еще велика,
Что противиться власти он будет опять,
Надо руки связать за спиной бедняка
И внушительный кляп ему в глотку загнать.

Вслед за тем непокорному голову снять
Повелели высокие члены суда,—
Чтоб не смел он дышать, чтоб не смел размышлять,
Чтобы слухов не смел распускать никогда.

И таким, начиная с текущего дня —
Дня отсчета дальнейших мучений и бед,—
Пусть в тюрьме остается, цепями звеня,
Минимально пятьсот нескончаемых лет!

Перевел Николай ЭНТЕЛИС.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Мартти ЛАРНИ

СТАРЫЕ И НОВЫЕ БОТИНКИ

В течение полугода жена наблюдала за моей походкой и пришла к твердому убеждению, что я стал хромать. После тщательного обследования моих нижних конечностей и обуви был поставлен диагноз: виновата последняя. Каблуки стерлись почти до уровня подошв, и на обеих подошвах образовались небольшие дырочки. Через них внутрь проникали маленькие, с рисовое зернышко камешки, а так как подошвы моих ног не менее чувствительны, чем мое легкоранимое сердце, я стал ходить с опаской и несколько прихрамывая. После продолжительного семейного совета и взвешивания обильных «за» и «против» решил я купить себе новые ботинки.

В обувном магазине молодая продавщица в парике неопределенного цвета бросилась мне навстречу.

— Прикажете вас обслужить индивидуально? — спросила продавщица.

— В каком смысле? — ответил я, несколько оторопев.

— Прошу вас, садитесь. Сюда, пожалуйста, тут вам будет удобно. А теперь снимите ваши ботинки. И носки тоже.

— А зачем носки? — поинтересовался я.

— Для того, чтобы я могла осмотреть вашу стопу.

Я последовал совету, так как не в моих правилах перечить женщинам. Она бросила оценивающий взгляд на мою пятку, измерила длину и ширину стопы, пощупала пальцы ног и озабоченно сказала:

— М-да, на мизинце левой ноги мозоль. Но вы можете не беспокоиться, я приглашу нашего ортопеда, и он удалит ее. Операция стоит всего лишь сто марок. Но предварительно необходимо сделать рентгеновский снимок, здесь же, в стенах нашего магазина, за сто пятьдесят марок...

Я прервал несмолкаемое щебетанье моей обувной сестры милосердия возгласом:

— Девушка, дорогая! Я уверен, у вас самые красивые в мире глаза и очаровательная улыбка, а также самые нежные руки, но тем не менее не заставляйте меня нервничать. С этой мозолью я сосуществую уже более двадцати лет. Мне не нужен ортопед и тем более рентгеноскопия. Единственное, в чем я нуждаюсь,— это в новых ботинках! Понимаете: бо-тин-ках!

— Прекрасно. Какой вы желаете размер?

— Сорок четвертый.

— Прошу вас — последняя мода: красные мыски, синий подъем и серебряный запятник. Вам нравятся?

— Нет. Я хотел бы такого же фасона, что и прежние.

— Такие?! Да когда вы их покупали?

— Год назад.

— Год назад! — ужаснулась продавщица. — За это время мода менялась четыре раза. Кстати, вы предпочитаете ботинки из натуральной кожи или из кожзаменителя?

— Желательно из натуральной, если только ее не надо снимать с моей спины...

Продавщица замурлыкала от удовольствия и затем продолжила:

— Тогда рекомендую вот эти розовые ботинки. Толщина подошвы равна пяти сантиметрам, высота каблука — десяти. Сейчас пользуются огромным успехом. Но к ним требуется соответствующая внешность — вам необходимо отрастить волосы, ниспадающие на плечи.

— Не отращу, — ответил я решительно.

— Напрасно вы упираетесь: если стянуть в пучок, будет прелестно. Или же завить их в два локона. Я уверена, что локоны пойдут вам больше, чем пучок. А если к этому добавить розовые ботинки и носки телесного цвета, то вы будете выглядеть лет на тридцать моложе.

— Не хочу выглядеть моложе. Хочу удобные ботинки.

— При чем тут удобство?—Продавщица всплеснула нежными ручками. — Уважающий себя человек обязан менять фасон обуви каждые два месяца.

— А зачем так часто?

Продавщица посмотрела на меня с высокомерным сожалением, как академик на первоклассника, и принялась выкладывать мне сведения и тайны, которые она почерпнула в школе продавцов обуви:

— Министр финансов выступил недавно с обращением ко всем жителям страны и сказал, что причиной инфляции является чрезмерная покупательная способность. Все патриотически настроенные бизнесмены решили тогда поддержать правительство. Для этого они избрали двоякий способ: подняли цены и стали интенсивно менять моды. Теперь человек, не желающий отстать от моды, должен покупать ботинки шесть раз в год. Таким образом потребители выдохнутся, истощат свои финансовые резервы, потеряют покупательную способность, и инфляция будет остановлена...

Продавщица бросила взгляд на мои стоптанные ботинки, эту презренную обувь человека, не желающего внести свой вклад в дело борьбы с инфляцией.

Я надел ботинки, но продавщица вцепилась в мой рукав.

— Вы не можете уйти, не расплатившись, — заявила она решительно.

— За что?

— Я сняла мерку с ваших ног, обследовала ваши пальцы и обнаружила мозоль. С вас двадцать марок.

Я рассчитался и с облегчением вышел из магазина.

По пути домой я зашел поприветствовать своего соседа, склонного к философии сапожника Монни. В его тесной и душной мастерской я снял ботинки, протянул их Монни и сказал:

— Прекрасная погода сегодня. Можно ли еще что-то сделать с моими вездеходами?

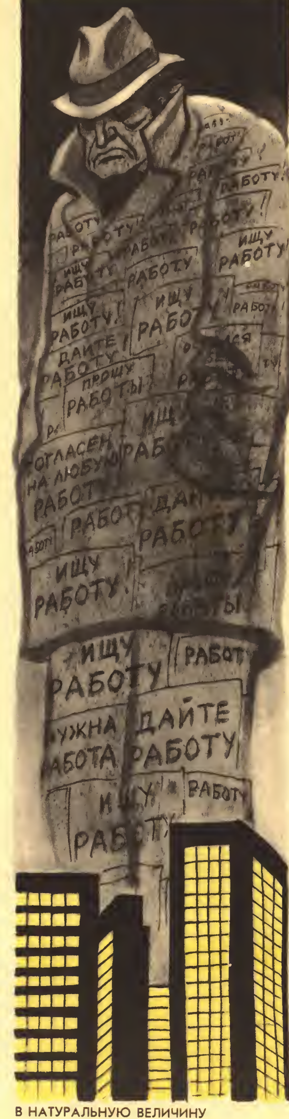
— Да, что ни говори, золотая осень. Косяки и набоечки подбросим, подкрасим чуток и не узнаете своих инвалидов.

Монни был прав. Спустя час, который я провел рядом с Монни за читкой журналов двухлетней давности, он преподнес мне отлично отремонтированную пару ботинок да еще для верности вставил новые шнурки. Жена до сих пор уверена, что я купил новые ботинки. Она только удивилась, что они обошлись так дешево, несмотря на стремительный рост цен и инфляцию...

Теперь, когда все позади, я начинаю обдумывать слова, вложенные капитанами нашего бизнеса в прелестный ротик продавщицы: «Более быстрая смена моды и рост цен будут препятствовать развитию инфляции». Никогда не встречал более смешного парадокса!

Не излишняя покупательная способность, а безудержная капиталистическая конкуренция — причины инфляции. Цены растут, и стоимость жизни увеличивается день ото дня. Пропасть, которая разделяет рост цен и зарплату, все расширяется и углубляется. Один мой знакомый служащий шесть лет назад решил накопить денег на квартиру. Он вел поистине спартанский образ жизни: забыл дорогу в кино и театр, не переступал порога книжного магазина, питался с умеренностью йога, по утрам сам себе подстригал не только бороду, но и бахрому на брюках. И вот прошло шесть лет, он выполнил поставленную задачу и заработал ту сумму, которая требовалась шесть лет назад на приобретение квартиры. Но теперь этих денег ему хватило на одну кухню. Что же касается прихожей, туалета и комнат, то на них он заработает лет через двадцать, если, конечно, не обзаведется к тому времени квартиркой под дерновой крышей. Что касается меня, то «излишек своей покупательной способности» — этого тайного виновника инфляции, я собираюсь израсходовать на следующей неделе, когда отнесу свою машинку в ремонт. Кстати, ремонт сейчас стоит столько же, сколько четыре года назад стоила новая пишущая машинка.

Перевел с финского А. ЛААКСО.

В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Н. САМОХВАЛОВ,
специальный корреспондент Крокодила

НЕ КОРЫСТИ РАДИ?

Ах, каким, оказывается, глупышом я был в розовом детстве! Помню, когда меня жучили за яблоки, украденные в чужом саду, я простодушно кричал:

— Простите, дяденька, больше не буду!

Тем не менее мне влетало.

А разве ж так нужно было вести себя? Следовало встать во весь рост, гордо выпятить грудь и заявить:

— Между прочим, уважаемый хозяин, не ради себя я тут стараюсь. Ради ваших же яблонь. Хотел освободить их от лишнего груза!

Пришел я к этому выводу, наблюдая деяния некоторых хозяйственных руководителей. Примеры? Пожалуйста...

Работницы свердловского опытного завода треста «Уралмонтажавтоматика» В. Ваганова и Н. Полкова, получив зарплату, поспешили к заместителю начальника цеха Брусницыну и вручили ему по десятке.

— Умницы, — похвалил Брусницын, пряча деньги.

Подходили с красненькими бумажками и другие работницы. А монтажница И. Рыбникова, так та выложила сразу 30 рублей.

Что бы это значило?

А вот что. В. Брусницын имел обычай выписывать наряды на работы, придуманные им в кабинетной тиши.

— Вот тут я кой-чего лишнего вам нацарапал, — говорил он. — Так что будьте догадливы.

И работницы возвращали заместителю начальника цеха «кое-чего лишнего». Приносили деньги они также мастерам Н. Белоусову и Ю. Сергееву.

А что же, спросите, делал начальник цеха Л. А. Дудолин?

А он не оставался равнодушным. Всегда живо интересовался: сколько собрали?

Ревизоры, заглянувшие в документацию цеха, ахнули. На протяжении ряда лет, помимо неизмеримого морального ущерба, государству наносился и существенный материальный.

— Проверьте наши карманы, — обиделись начальник с заместителем. — Разве мы для себя? Все ради дела. К примеру, частенько возникала необходимость хорошо заплатить за сверхурочные работы. Кроме того, всякие непредвиденные расходы: то гравировщику за изготовление папки с адресом для подарка, то художнику, оформившему наглядную агитацию об экономии средств.

И рука, занесенная для возмездия, дрогнула и опустилась, никого не задев.

Интересна и оригинальна также акция работников треста «Свердловсксовхозстрой».

ПМК № 841, дислоцирующаяся в поселке Белоярском, воздвигла в областном центре здание материально-технической базы для своего треста. Но когда и кто его строил — никто не видал.

В мехколонну повалили пытливые искатели передового опыта.

— Скажите, как вам это удалось? Вы применили неизвестный еще метод?

— Да, применили, — уклончиво отвечали мехколонцы.

— И, видимо, строили по ночам? — допытывались дотошные искатели. — Поэтому ваших строителей никто не видел в Свердловске? А как вы доставляли своих рабочих на объект за 70 верст? Вертолетом? Вроде десантников?

Руководители мехколонны торопливо сворачивали разговор на погоду. Вот, мол, на дворе густой туман, работать тяжко.

Напускали туману они не зря. Потому что объекта этого они никогда не строили. Его строило само УПТК (Управление производственно-технологической комплектации). Мощными силами шабашников.

— Включите объект в свои работы, —

однажды спустил директиву трест своей мехколонне.

— Но таковой не значится в нашем плане.

— Проведем.

Провели. Заполучили финансирование. Рабочим доставляли зарплату из Белоярского на автобусе.

При выдаче зарплаты происходили душераздирающие сцены.

— Распишитесь за 850 рублей, — напевно говорила бухгалтер УПТК Л. Малярова, шурша купюрами.

Человек расписывался, радостно пересчитывал 850 рублей.

— А теперь верните 477 рублей, — сурово говорила Малярова. — Потому как ровно столько вам уже выдали раньше нашими трестовскими деньгами.

К концу отчетного года заместитель главного бухгалтера ПМК № 841 Е. Федорахина схватилась за голову.

— Батюшки! Прибыль-то какая вылезла! Куда ее? План у нас и без того на этот раз красен достижениями. Видно, придется все эти 130 тысяч в бюджет государства...

— Что вы, уважаемая Екатерина Степановна! — перепугался начальник колонны Федор Иванович Головацкий. — Надо эту негаданную прибыль спрятать. Чтобы никто не нашел.

И упрятали. Вдруг в документах в четыре раза вздорожали гвозди. Подскочили в цене и другие материалы.

Конечно, 130 тысяч упрятать не просто. Начали вылезать кое-какие концы. Словом, в воздухе запахло грозой. Но администрация выставила вперед грудь, бронированную счетами:

— Граждане-товарищи! Неужто мы из личной выгоды?..

И окончательно открыл мне глаза дерзкий пассаж лидеров РСУ Горбытуправления.

В Шалинском районе, Свердловской области, вдруг объявились коробейники. Начальник участка ремонтно-строительного управления П. Кардапольцев и мастер В. Новиков, забросив ремонтные дела, покатили по селам с молодецким криком:

— А кому шифер? Налетай!

И налетали. Дефицитный стройматериал селяне приобретали по значительно завышенной цене, заодно оплачивая мифические строительные услуги. А снарядил коробейников в путь-дорогу лично начальник РСУ Г. С. Брынских.

Когда проворных коммерсантов схватили за руку, Брынских защитился железной броней:

— План горел синим пламенем! Разве ж корысти ради?!

Да. Зачем ломать голову над проблемами повышения производительности труда и прочими тонкостями производства? Выложил из государственного кармана за сверхурочные работы — и план вытянут. Нашел лазейку — и показатели засверкали, как новые окна. Загудела медь оркестров, посыпались теплые слова и поощрения.

Руководители ПМК № 841, «спрятавшие» в гвоздях 130 тысяч, рассчитывают с их помощью в этом году блеснуть производственными достижениями. А что это значит?

Резво подскочит фонд материального поощрения.

Резво подскочат премии.

Вот вам и «не корысти ради»!

Свердловская область.

Петр НЕЗНАКОМОВ
(Болгария)

МОИ ВСТРЕЧИ С КРОКОДИЛОМ

— Да, крокодилы, крокодилы, — сказал хозяин задумчиво и отпил большой глоток «Джонни Уокер» с содовой. — Друзья мои, если вы интересуетесь не нильскими, а замбийскими крокодилами, то я мог бы вам кое-что рассказать о них, может быть, даже такое, отчего волосы встают дыбом.

— Расскажите, расскажите, очень просим вас! — раздались голоса гостей.

Настаивали преимущественно дамы.

— О'кей! — сказал хозяин и сделал еще один солидный глоток. — Обычно думают, что когда человек начинает рассказывать какую-нибудь страшную историю, то ему не мешает как следует промочить горло... Сейчас я вам опишу, друзья, мою первую встречу с этим пресмыкающимся, — продолжал рассказчик, — встречу, которая произвела на меня огромное впечатление и могла иметь трагические последствия. Это было незадолго до войны, а если говорить точнее, то в 1937 году. Я был послан нашей компанией в тогдашнюю Северную Родезию, нынешнюю Замбию. Местные колониальные власти всячески старались занять мое свободное время охотой на местную дичь. Помню, однажды вечером возвращался я с охоты на кобр...

— Извините, — прервал рассказчика один гость из молодых, тип современного технократа, — но кобры ведь живут в...

— Да, они живут в Азии, молодой человек, — сказал хозяин. — Вы абсолютно правы. Но то были привозные кобры. Их выписал один родезийский плантатор для борьбы с полевыми мышами. Надо сказать, что этих тварей развелось так много, что они заполонили не только его, но и соседние плантации. И вот этот чудак заказал в Раджапуре — Индия — десяток высокосортных кобр, каких только может представить себе человек, и они были доставлены в Родезию. Как вы знаете, достаточно десяти секунд, чтобы кобра убила вола, не говоря уже о нашем брате человеке. Мышат же они давили походя, короче, кобры отлично справились с возложенной на них задачей. За каких-то три месяца они не оставили в Северной Родезии ни одной живой мышки, но и сами не теряли время зря. Размножились в таком количестве, что нельзя было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на кобру. Местные туземцы вынуждены были обуваться, а вы знаете, что туземцы терпеть не могут никакой обуви. Мечта любого туземца — всю жизнь проходить босым. Лишить его этой возможности — все равно, что отнять хлеб и воздух. Назревала опасность возмущения населения против власти ее величества королевы...

— Подождите, — снова прервал тот же молодой гость, хобби которого, кажется, было мешать рассказчику, — вы говорите, что это произошло в 1937 году. Но тогда на престоле Великобритании находился...

— Думаю, что теперь, — парировал этот выпад рассказчик, — для нас с вами не имеет значения, король или королева занимали тогда престол Великобритании. Все равно одного поля ягоды.

Среди гостей раздались одобрительные возгласы. Все укоризненно посмотрели на невоспитанного гостя и попросили рассказчика продолжать.

— Да, — сказал он, — вот до чего дошло дело: до возмущения туземного населения. Впрочем,

— Вас, конечно, интересует, кто я и зачем здесь? Поэтому возьмите мою автобиографию и анкету.

Рисунок Г. ВАЛЬКА

НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Прислушайся ко мне, читатель, и я поведаю тебе печальную повесть о разочаровании и неразделенной любви. Действие происходит не в Вероне и не в Кастилии, а в неком селе Кировоградской области. Она работает там в сельпо продавцом. Он же... Но давайте по порядку.

В одно чудное утро в упомянутое уже нами сельпо вошел молодой незнакомец, посмотрел на героиню нашего рассказа чистыми синими глазами и купил у нее три батона и две буханки черного. Было в этом юноше что-то обаятельное, и она долго глядела ему вслед. На другой день этот покупатель пришел снова и застенчиво попросил пять буханок черного и два батона. И продолжалось так ровно три месяца и три дня. Каждое утро приходил он в сельпо и брал по пять — семь буханок сразу. Путем ненавязчивых расспросов ей удалось установить, что живет он в соседнем селе Васильевке.

«А если это любовь? — подсказало сердце нашей героине.— Ведь село Васильевка не ближний свет! Не просто же так он ходит за столько километров ко мне в магазин? Просто робкий он очень и в чувстве своем признаться боится. И хлеба так много берет он все от той же самой застенчивости».

И постепенно крепло и возникало в ней светлое и теплое ответное чувство.

И вот однажды он первый заговорил с нею.

— А вы не удивляетесь,— начал он,— почему это я хожу сюда каждое утро из своего села?

— Удивляюсь... — тихо и взволнованно произнесла продавщица и покраснела смущенно.

— Дело в том,— продолжал молодой человек,— что в наше Васильевское сельпо хлеб привозят раз в три дня, а то и раз в неделю. Очереди, как вы понимаете, большие собираются. Времени на все это много уходит. Вот и решил я сюда за хлебом ходить. Далековато, конечно, но зато гарантия. Себе, значит, и соседям моим хлеб беру.

— И давно это? — спросила ошеломленная продавщица.

— Что, хлеб так нам возят? Давно. Года два-три. Всюду мы жаловались, и без толку. И вот спасаемся кто как может. Кто — за хлебом в райцентр ездит, кто — в соседние села. Вот так. Мне сегодня, пожалуйста, три буханки черного и один батон. Спасибо.

И он пошел, пошел твердым шагом, дорогой читатель, в свою Васильевку. А она? Весь вечер просидела у раскрытого окна и проплакала.

И неизвестно, были ли это светлые девичьи слезы из-за неразделенной и непонятной любви.

А может быть, благородные слезы негодования против районного руководства, которое так невнимательно и пренебрежительно относится к нуждам села Васильевки? Кто знает!

С. ВОЗЛИНСКАЯ.

бунт так и не вспыхнул. Перепуганная администрация организовала истребительную охоту на кобр. Каждая охота заканчивалась тем, что по меньшей мере три десятка свившихся в клубки мертвых змей валялись на плантации. Власти платили за каждую убитую кобру по восемь шиллингов.

Хозяин передохнул, сделал еще один глоток виски и продолжал свой рассказ:

— Так вот, однажды возвращался я с охоты по левому берегу Замбези. Мрак царил вокруг. Глаз еле различал покачивание камышей. А может быть, покачивались кобры — подняв головы и раздув шеи в такт донесшейся откуда-то мелодии. Надо вам сказать, что эти твари, особенно раджапурские, ужасно музыкальны. Да, на каждом шагу таил смертельную опасность жуткий правый берег Замбези...

— Простите,— прервал все тот же нетактичный гость,— но вы только что сказали, что шли по левому берегу Замбези.

— Правый или левый, не все ли вам равно,— рассердился хозяин.— Я ведь могу и не продолжать дальше.

— Продолжайте, продолжайте! — вмешались дамы.— Он не будет больше мешать вам.

— А на чем я остановился? — спросил хозяин.

— На том, что кобры покачивались в такт мелодии.

— Ага,— подхватил хозяин,— я напряженно вглядывался в качающиеся тени и неожиданно для себя угодил в какую-то глубокую яму. Моя правая нога по самое бедро оказалась стиснутой, как в кандалах.

— Ах, какое несчастье! — воскликнула наиболее чувствительная из дам.— И никто вам не мог помочь?

— Ночью, в Африке?

— Ну, какой-нибудь случайный путник?

— Да, прохожий нашелся. Это был бедный бушмен, в руках у него не оказалось никакого оружия, даже обыкновенной палки. «Уамонго, уамонго!» — горестно приговаривал бушмен и бегал вокруг меня. Из его слов я понял, что нахожусь не в яме, а в пасти крокодила, или уамонго, как называют его бушмены.

«Господин, — обратился ко мне бушмен, — не можете ли вы дать мне немножко красного или в крайнем случае черного перца?»

Гости в недоумении переглянулись.

— Оказывается,— разъяснил хозяин, — если крокодилу насыпать в ноздри немного красного, а в крайнем случае и черного перца, то это чудовище мгновенно размыкает челюсти. Я обругал бушмена за его предположение, что могу вот так среди ночи найти в джунглях этот проклятый перец... А бушмен возразил, что в Лусаке есть телеграф и если с его помощью запросить Момбасу, славящуюся своим крепчайшим красным перцем, то вертолет мог бы доставить любое количество перца прямо сюда, в джунгли. Я стал мысленно подсчитывать, на сколько дней могла бы растянуться эта операция...

В этот момент хозяйка дома с лекарством в руках подошла к рассказчику.

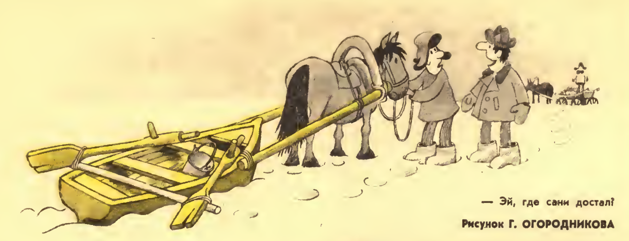
— Милый, пора принять антисклеротин.

Хозяин положил в рот таблетку, запил содовой и с блаженной улыбкой задремал.

— Простите, а что случилось с крокодилом? — спросила одна из дам.

— С каким крокодилом? — переспросил хозяин и снова отдался во власть сладкой дремы.

Перевела В. СЕДЫХ.

— Эй, где сани достал?

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Товарищи мотоциклисты! Неуклонно выполняйте требования «Правил дорожного движения». Этим вы гарантируете безопасные наезды».

Газета «Заря», Калтасинский район Башкирской АССР.

«Объявление

25 августа проводится выставка-распродажа кролиководов-звероводов на рынке старой части города».

Прислал А. Широкин, г. Минск.

«Советы косметолога.

В наши дни духи выполняют свою первоначальную функцию — они подчеркивают индивидуальность личности. Женщинам темного типа подойдут тяжелые, пряные композиции, женщинам светлого типа ближе легкие духи, источающие свежий аромат».

Многотиражная газета «Вологодский подшипник».

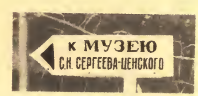

Фото Л. Фроловой, г. Алушта.

«Гелиос — бог солнца» — так называется юмористическая повесть украинского писателя ВАСИЛЯ БОЛЬШАКА о забавных приключениях юного журналиста-международника Ситника, отправившегося морским путем в гости к югославским друзьям. Эта повесть и юморески составили новую книжку В. Большака, которая вышла в киевском издательстве «Молодь».

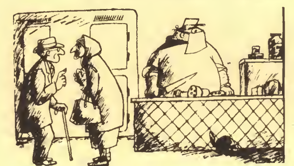
Крокодил поздравляет своего старого автора карикатуриста Владимира Петровича ДОБРОВОЛЬСКОГО с присвоением почетного звания заслуженного художника РСФСР.

Новая монография «Узбекские сатирические сказки», написанная фольклористом КАМИЛОМ ИМАНОВЫМ и выпущенная ташкентским издательством «Фан», — интересное исследование эстетики и социальных истоков этого популярного народного сатирического жанра.

В Москве, в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, открылась выставка работ заслуженного художника Грузинской ССР Гиглы Пирцхалавы.

Постоянный сотрудник грузинского сатирического журнала «Нианги» и «Крокодила», художник работает в печати уже 30 лет.

Публикуем три работы с выставки.

— Ему бы давно надо было прикрыть рот, пока он весь магазин не сожрал.

— Квартиру получил неважную, но зато с телефоном.

Обеденный перерыв.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Вилли БРЕЙНХОЛСТ (Дания)

Как изводить свою жену

Изводить свою жену — хобби, которому с удовольствием предаются в свободное время (хотя с переменным успехом) женатые мужчины с тех пор, как существует слабый пол, а следовательно, и жены.

К сожалению, подавляющее большинство женатых мужчин изводит своих жен довольно бессистемно. Причем методы, применяемые при этом, носят не только совершенно случайный характер, но зачастую абсолютно лишены фантазии.

Именно поэтому мне бы хотелось поделиться своим любимым способом, который я называю «Паук».

Вы сидите с вечерней газетой в руках, покуривая сигару. Рядом — жена. Вдруг вы опускаете газету, наклоняетесь вперед и пристально смотрите на ее шею. Заметив ваш взгляд, она спрашивает:

— В чем дело? Чего ты таращишь глаза?

Вы быстро отводите взгляд.

— Нет, ничего, — отвечаете вы и снова погружаетесь в газету. Через некоторое время вы снова с интересом всматриваетесь туда же.

— В чем дело? Что ты разглядываешь? — спрашивает она, обеспокоенно заерзавшись в кресле.

Вы резко откидываетесь назад и снова укрываетесь за газетой, предварительно убедившись, что она заметила несколько тревожную улыбку на ваших губах.

— Я хочу знать, в чем дело! Что тебя так интересует на моей шее?

— Ничего особенного.

— Ты лжешь. Там что-то было! Если ты не скажешь, в чем дело, я рассержусь.

Вы опускаете газету на колени и кротко отвечаете:

— Это был всего-навсего паук.

— Что такое? — взвизгивает женщина, истерически хватаясь за горло. — Сейчас его нет?

Вы утвердительно киваете и снова исчезаете за газетой. Через несколько минут ваша супруга настолько приходит в себя, что в состоянии задать вопрос:

— Куда же он все-таки делся?

Вы не отвечаете, пуская к потолку густые клубы дыма.

— Я спрашиваю, куда он делся?

— Что ты сказала?

— Как ты думаешь, куда делось это насекомое?

— Я не хотел тебе говорить, — отвечаете наконец вы. — Он уполз в вырез платья.

Пока женщина в отчаянии срывает с себя платье, вы тщательно обрезаете кончик новой сигары, прикуриваете и дымите дальше. Если она просит помочь найти чудовище, вы помогаете ей. В противном случае вы держитесь выжидающе, пока женщина снова не оденется. Опять она пытается спокойно заняться вязанием. Когда ей кажется, что это удалось, вы спрашиваете:

— Ты его поймала?

— Нет. Ты уверен, что это был действительно паук?

— Разумеется, я мог и ошибиться.

Когда подходит время пить кофе, вы внезапно подаетесь вперед, напрягаете зрение и вперяете свой взор в шею супруги.

Она замирает, окаменев от страха.

— Снова он? — хрипло шепчет она, не в состоянии пошевелить пальцем.

— Кто он? — непонимающе спрашиваете вы.

— Да паук же!

Вы качаете головой.

— Я ошибся, — говорите вы самым что ни на есть будничным тоном. — Теперь я уверен, что это была ошибка. Это был вовсе не паук.

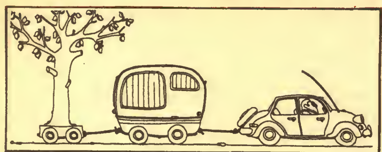
— Так что же тогда это было?

— Сороконожка.

Последнюю реплику вы подаете как раз в тот момент, когда супруга подносит ко рту чашку кофе.

Перевела М. ФЕДОСЕЕВА.

РАЗНЫХ ШИРОТ

На лоно природы.

«Шпильки», Польша.

Певица — своей приятельнице:
— Знаешь ли, я застраховала свой голос на 50 тысяч долларов!
— Ну и что же ты купила на эти деньги?

●

Она:
— Я считаю, что перед нашей свадьбой ты должен повидаться с моими родителями и познакомиться с ними.
Он:
— А ты не могла бы мне их просто описать?

●

В Париже посредник показывает супружеской паре квартиру.
— А это помещение служит музыкальной комнатой,— говорит он.
— Музыкальной комнатой? — оглядывается женщина.— Да здесь не только рояль — даже флейта вряд ли поместится!
— Вы правы, но в этой комнате лучше всего слышен телевизор соседей.

В универмаге.

«Эспрессо», Италия.

— Почему ты опоздал?
— Я поздно вышел из дома.
— Почему ты не вышел раньше?
— Было уже поздно выходить раньше.

●

Во время письменной контрольной работы.
Учитель:
— Джон, списываешь у Роберта?
Джон:
— Нет, сэр. Это он у меня списывал, а я просто проверяю, правильно ли он это сделал!

●

Воспитательница детского сада потратила 15 минут, чтобы натянуть рейтузы на маленькую девочку. Когда она наконец выпрямилась, девочка сказала:
— Это не мои!
Пролилная все на свете, воспитательница потратила еще 15 минут, чтобы стащить рейтузы обратно.
— Это моего братика,— сказала девочка,— только мама иногда надевает их на меня!

●

— Папа,— сказал Джимми,— у меня для тебя поручение: завтра утром в школе состоится маленькое собрание учеников, родителей и учителей.
— Что ты имеешь в виду, говоря «маленькое собрание»?
— Это только ты, я и классный руководитель.

●

— Не понимаю, как это возможно: ты непрерывно ссоришься с женой, а тещу в то же время хвалишь?
— Понимаешь ли, дружище, она всегда была против нашего брака...

Слова, слова...

Чтобы мало зарабатывать, надо много учиться.

А. Давид, французский писатель.

Для людоеда хорошо относиться к человеку — это есть его с аппетитом.

Из каннибальского фольклора.

Если человек говорит то, что думает — думает ли он?

Природа справедлива ко всем. Какая несправедливость!

Д. Александер, английский юморист.

Те, у кого хорошая память, могут легко забыть о некоторых вещах.

Он всегда говорит правду, но выбирает, кому ее сказать.

Т. Ленн, итальянская писательница.

Очень часто карьере помогают те едкие замечания, которые мы вовремя оставляем при себе.

Из древнеегипетского папируса.

Первоклассные руководители выбирают себе первоклассных сотрудников. Люди второго сорта любят, чтобы их окружали люди третьего сорта.

Финнинский юмор.

«Дас кляйне блат», Австрия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Роман ПОКОРНЫ (Чехословакия)

ЗАЖИГАНИЕ

Наши страдания начались рано утром, в половине пятого. Страшный грохот прервал наш сон. Казалось, небо обрушилось на землю. Неведомая сила вышвырнула нас из постели, и мы решили, что в Праге землетрясение, как в Южной Америке. В полусознательном состоянии подбежал я к окну, чтобы узнать, не началась ли новая мировая война. Смотрю в окно и вижу внизу что-то большое четырехугольное. Присмотрелся и понял: стоит допотопная автомашина, не иначе как экспонат из Музея техники. Чудовище стояло под нашими окнами, рычало, плевалось, стреляло, как пулемет, выпускало из себя черный, как смола, дым, в клубах которого с трудом можно было различить очертания пана Вацулика.

Вацулик живет в доме напротив. Увидев меня, он улыбнулся и любезно сказал:

— Доброе утро, пан Покорны. Вот купил по случаю автомашинку. Всего за 230 крон. По утрам буду теперь ездить в ней на работу.

Он снова стал что-то крутить у радиатора. Автомобиль вздрогнул, начал стрелять, как мортира, затем расхаркался, потом что-то, видимо, стало у него поперек горла, и он затих. В окнах тем временем появилось много полусонных лиц.

Пан Вацулик пробовал привести в движение свою машину — и это продолжалось от половины пятого до семи. Потом он поехал на работу автобусом.

На следующее утро все повторилось. В половине пятого — артиллерийский грохот, как под Верденом. И снова заспанные лица в окнах. А тем временем авто прыгало, тряслось, трещало. Пан Вацулик крутил, крутил непрерывно и безрезультатно. На работу поехал опять-таки автобусом.

Пришло третье утро. И опять — взрывы, пальба, грохот... Черный от выхлопных газов, поднимавшихся до самого четвертого этажа нашего дома, пан Вацулик неизменно приветствовал соседей, сердито смотревших из окон, как бы оправдываясь: «Ну, никак не хочет двигаться! Никак не зажигается!»

Но вот однажды, когда все началось, как обычно, с пушечной канонады, взрывов и грохота, а в окнах появились все те же сердитые лица, мы услыхали радостные вопли. Кричал Вацулик:

— Ура! Ура! Загорелось!

Смотрим. В самом деле: чудовище горело ясным, ярким пламенем.

Наконец-то пан Вацулик мог успокоиться. А с ним и все соседи. Правда, теперь нам стало не хватать чего-то, ставшего привычным.

Перевел И. ДАВЫДОВ.

— Простите, галерея закрывается.
— Тем лучше, мы будем чувствовать себя гораздо спокойнее.

«Виллед-бладет», Дания.

— Станьте в очередь!

КРОКОДИЛ

№ 2 (2120)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, В. Жарков, В. Мохов, К. Невлер, И. Корнийский, В. Сафонов, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Черепанов, А. Чикарьков, И. Шилов.

НАШ АДРЕС
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/XII 1974 г. А 00759. Подписано к печати 9/I 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 494 980). Изд. № 252. Заказ № 26.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5.800.000 (4 завод 4.201.701—4.601.400)
Заказ № 2093

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок Е. ГУРОВА

ВООРУЖЕНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

ЗДРАВО-
ОХРАНЕНИЕ